

Встревоженная Марья Колпакова пришла к председателю сельсовета Каминскому ещё до открытия. Увидев её, полный неподдельного внимания Кирьян Николаевич спросил:

— В чём проблема, Марья? Не стряслось ли чего?

— То-то и оно, что стряслось. Насилу утра дождалась. Ночью не пошла будить вас. Достаточно, что Марию Васильевну из постели подняла. Изверг проклятуший в деревне объявился — Михей Ильич, забубённая его голова. Вчера вечером в Никишку мово из ружья шмальнул. Задержи его да первым самолётом в район, в Кежму, отправь. В каталажке его место. Угробить ведь мог мальчика.

— Погодь, Марья. И задержать, и сопроводить, и в тюрьму посадить завсегда успеется. Где это случилось? Вдруг случайным был выстрел?

— Сторожил молоканку да колхозный двор он. С ружьём сторожил. Дети недалече играли, а он в мово Никишку, как снайпер какой, дробью саданул.

— Чего-то я ничего в толк не возьму. Сторожил? Ружьё? Дробью саданул? Не суетись. Тут надо во всём основательно разбираться.

Аннушке, часто исполняющей роль посыльной-рассыльной, наказал:

— Давай-ка мне сюда председателя колхоза да этого «ворошиловского стрелка», Михея Ильича. Не забыла, небось, что Верхотурова Алексеем Семёновичем зовут?

Алексея Семёновича Аннушка разыскала первым. Он и пришёл раньше. Кирьян Николаевич попросил Марью идти домой, но согласился, что та подождёт на улице.

— Как же так случилось, что здоровый мужик у тебя молоканку сторожит? Там же вроде Шалапутины дед с бабкой трудодни зарабатывают? — поинтересовался Каминский.

— Они самые и работают. Только тётка Стюра приболела, а дед Данила уже не так крепок, чтобы на вторые сутки пойти. Он в выходной сутки отсторожил. Да и за больной женой дома уход нужен. А кто у нас безотказный — сам знаешь: Михей Ильич. Вот и попросил я его подменить стариков. Он и сегодня, после сторожения, на покос уехал бы. Да оставил я его из-за ночной стрельбы. Без него зарод смечут. Знаю, без разборок не обойдётся. Хотя он утверждает, что в пестуна¹ стрелял. Я и сам не пойму, откуда в деревне пестуну взяться. Все собаки охотничьи, за версту бы медведя учуяли.

— Вот и от тебя ясности не добавилось. Послушаем ещё, что нам сам Ильич растолкует. А то и впрямь придётся в Кежму везти, в милицию сдавать. Лёгко на помине, Михей Ильич. Аннушка, побудь пока с Марьей. Рассказывай, откуда было взяться пестуну? Спросонья, что ли, шмальнул? — поинтересовался Каминский.

— Не было никакого сна. Да и время, хоть и темно, непозднее было. Эвон, молодяшки ещё шалили вовсю. После обхода сижу я в молоканке, лампу не зажигаю, задумался чего-то. Вдруг треск слышу. Будто доски кто-то ломает. В оконце выглянул — никого не вижу. Вышел, а тут из-за угла рыканье медвежье. Не поверил,

¹ Пестун — годовалый медвежонок.

а оттуда и впрямь пестун появился. Меня увидел да как рывкнет, будто и не пестун вовсе, а взрослый медведь. Кричать на него бесполезно. «Дай-ка я тебе шумну», — думаю. Вернулся по-быстрому, выскакиваю, а пестун ружьё увидел и от меня опять за угол хотел убежать. Убегает, я и решил «шумнуть» в него солью. Вот, председатель сам сказал мне, что патроны с солёной начинкой, когда просил посторожить.

— Да, Кирьян Николаевич, всегда так и было. Ума не приложу, откуда взялись дробовые заряды. Я же сразу на выстрел прибежал. И патронташ с ружьём забрал. А там, кроме солевых, ещё два дробовых заряда оказалось. У Михея, знаю точно, одно ружьё двенадцатого, другое — шестнадцатого калибра. А у сторожа — пухолка, тридцать второй калибр. И все патроны в патронташе родные. Не думаю, что Михей из дома принёс да перезарядил.

— Не было ни нужды, ни желания нести патроны из дома, да ещё и перезаряжать их, — возмутился Михей Ильич. — Только перебили вы меня. Сразу-то я не сообразил, что как-то неуклюже шёл пестун, а потом убегал. Только слышу, из-за угла кричат мне: «Не стреляй, дядя Михей. Это не медведь!» Бросил я ружьишко у двери и бегом туда. А оттуда девчонки убегают, будто воробьи слетают со скирды необмолоченных снопов. А следом за ними парни пестуна того волокут, как пьяного мужика из горящего дома. Ясно, что не медведя прут с такой лёгкостью, а в толк взять, что к чему, не могу. Не побежал я за молодяшками, сторожить остался. А вскоре и Верхотуров вот тут как тут появился. Про патронташ он уже сказал.

— Не хочешь ли сказать, что Никитка был под медвежьей шкурой, если дробовой заряд его нашёл? — поинтересовался Кирьян Николаевич.

— Выходит, что так оно и было. Хотя удивляюсь, что, при всей неуклюжести медвежьей походки, для человека в шкуре шёл и бежал он очень ловко и проворно.

Чуть поразмыслив, председатель сельсовета возмутился:

— Я кто тебе, мальчик, что ли? Что ты мне детский детектив рассказываешь? Иди, до прилёта самолёта суши. Да не вздумай в лес в бега податься. Так, глядишь, разберутся, дадут год или два, а с побегом мало не покажется, — строго предупредил Михея Каминский.

Ушёл Михей, а Марья напирает:

— Зачем отпустили злодея? Хотите, чтобы он челядёнка² совсем порешил жизни, если сразу не получилось?

— Остынь, Марья. Не всё тут так просто, как тебе кажется. Поразбираемся до прилёта самолёта. И не вздумай на рацию бежать, милицию будоражить. Надо будет, сам вызову. Я предупрежу, чтобы тебя к рации близко не подпускали. Не обижайся ни на меня, ни на радиста. Не тридцать девятый год, чтобы по навету человека в тюрьму садить. Разберусь, — пообещал представитель власти и страж законности в одном лице.

Понурая ушла Марья, только и она заподозрила, что не всё ей Никишка рассказал.

Заневестившаяся Нюрка, которая в тот вечер была с парнями у молоканки, не утерпела и утром всё рассказала матери. Оказывается, студент Толька Бабашкин на летние каникулы приехал из Новосибирска с магнитофоном — штуковиной невиданной по тем временам в таёжной глухомани. Перед поездкой домой побывал в зоопарке, где записал сначала рыки медведя, а потом — рёв. Ему было интересно, как реагируют на магнитофонного медведя деревенские собаки. Но ещё больше не терпелось парню похвастать дорогой вещицей перед «дремучими» земляками. Это он и сделал в первую очередь. Кому-то пришла в голову мысль: «А давайте бабу Стерву разыграем».

² Челядённок — ребёнок (*диалект.*).

Бабушка Стюра, полное имя Анастасия, и впрямь была небезобидным созданием. От неё и сплетни, и небылицы про односельчан шли постоянно. Придёт в магазин, посудачит с женщинами, а потом про кого-то из отсутствующих такое выдаст, что трудно не поверить. Молодёжи вечером парочкой на глаза бабке во все нельзя попадаться. Назавтра так нафантазирует, что хоть на улицу потом не выходи. Оттого-то и звали её взрослые тётей Стервой, а молодёжь — в соответствии возрасту.

Для полноты картины пригодилось турсуновское чучело пестуна, о котором за два года успели подзабыть. Тимофей Турсунов в ту зиму медведицу с пестуном из берлоги взял. Обезжирил шкуры, продубил — выделал так, что хоть дублёнку шей. Только тяжёлая бы получилась дублёнка, хоть и мягкая. Из шкур Тимофей тогда два чучела сделал, пополнил свою коллекцию. У него уже были пара волков, рысь, глухари, барсук. На «святое» дело розыгрыша зловредной бабки уговаривать Ваську, сына Тимофея, долго не пришлось.

Подростки, предупредив о секретности, предложили нескольким мальчишкам побывать в медвежьей шкуре. Ходить в ней так же споро, как девятилетнему Никитке, не удалось никому. Все дружно сошлись, что быть в розыгрыше медвежонком именно Никите. Одно не знала молодёжь, что в бабкину смену на молотанке Михей окажется. Неудобно смотреть через глазные отверстия, но вовремя заметил парнишка одним глазом, что не бабка вышла, а дядька Михей, да ещё и с ружьём. Сообразил мальчуган в шкуре, что плохи его дела, развернулся и хотел спрятаться за угол. Тут-то и достал его дробовой заряд.

Историю про розыгрыш Кирьяну Николаевичу рассказала Нюркина мать. Можно ли скрывать правду, когда мужику тюрьмой пахнет? Председателю

сельсовета оставалось выяснить, как сильно пострадал мальчишка. Мария Васильевна рассказывала:

— Кто бы видел тогда Никитку. Слезами в голос ревел мой оперируемый. Сделала я ему местное обезболивание в обе «ягодки». Подействовали уколы, а всё одно ведь для мальчонки-то... не в чужом теле пинцет орудовал. Я тогда удивлялась, почему дробь у поверхности застряла. В птицу, хоть там и перья, дробь глубоко заходит. Теперь знаю: медвежья шкура спасла. Большая часть не пробила маскарадный костюм, но в общей сложности девять дробинок я из любителя розыгрышей извлекла.

В дождливый день, когда на сенокосе делать нечего, собрал Каминский всех участников розыгрыша вместе с родителями в сельском клубе. Предупредил, что, окажись тогда на работе бабушка Стюра, мог розыгрыш намного плачевнее закончиться. Ей и без того по сей день Мария Васильевна ходит уколы ширяет. А каково было бы с её-то больным сердцем, окажись она там? Групповая была бы обеспечена всем участникам розыгрыша. И вины Михея Ильича в случившемся нет. Не мог он знать, что дед Данила несколько патронов перезарядил, чтобы соболька добыть да отдать для турсуновской коллекции. Выходного-то отдавать было бы жаль — шкурка денег стоит. А от летнего зверька только и толк, что на чучело. Соболь под молотком крыс промышлять повадился.

— Вот такой детский детектив с недетскими последствиями получился. Жаль, что никто тогда о последствиях розыгрыша не додумался, не предостережёт зачинщиков. Радуйтесь, родители, что сыновья в армию, а не в тюрьму пойдут. Они-то — не Никитка — все до статьи доросли, — подытожил Кирьян Николаевич.